

Сергей Дмитренко

В РАССКАЗАХ Лескова встречается слово «сужект»: «...человек этот от знающих его нарицается сужект». «Его зовут <...> Кузьма Махров, но самое лучшее имя ему «сужект». Дана ему эта кличка по шерсти, потому что в этом слове содержится все объяснение его прелюбопытного характера». И еще: «...он одержим — им порой овладевают «сужекты», и тогда с ним нет управы».

Можно видеть, это слово построено по законам «народной этимологии» из двух слов: «сюжет» и «субъект». «Сужект» — это слово-действие, слово-фраза, слово-повествование. Это история о человеке, «субъекте», который осуществляет себя, свое миропонимание в «сюжете» — случае, происходящем с ним на жизненном пути.

Таким образом, с полным основанием можно утверждать, что существует и сужект Лескова.

вариант шестого тома прижизненного собрания сочинений, запрещенный царской цензурой, не приглянувшись цензуре советской...

Поэтому совсем не кажется странным заглавие выпущенного в 1997 году тома «Литературного наследия» — «Неизданный Лесков» (ответственные редакторы Ксения Богаевская, Ольга Майорова, Лилия Розенблюм). Задуманный в двух книгах, он до сих пор недоиздан: уже по экономическим причинам вторую книгу никак не удастся напечатать.

Столь же трудно движется выпуск начатого в 1996 году издательством «Терра» полного собрания сочинений Лескова, задуманного в 30 томах (главный редактор — Николай Либан, в редколлегию вошли крупнейшие лесковисты России: Богаевская, Ирма Видуэцкая, Александр Горелов, Ирина Столярова). Не являющееся по своему научному аппарату академическим, оно тем не менее станет знаменательной вехой в истории леско-

отдавая предпочтение выстраданному им типу «русского ересици — умного, начитанного и свободомысленного духовного христианина, прошедшего все колебания ради искания истины Христовой и нашедшего ее только в одной душе своей».

ЭНТУЗИАСТ ПРОТИВОПОЖАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Но Лесков никогда не был разрушителем устоев — он, к счастью, не совершил ничего такого, что позволило бы известным доброхотам приписать его к сонмищу революционных демократов. Более того, его творениям придала скандальный оттенок или, точнее, ответ.

Началом своей литературной работы писатель считал публикацию «Очерков винокурной промышленности (Пензенская губерния)» в журнале «Отечественные записки» 1861 года. А уже в следующем году его статьи оказались в центре громкого общественного скандала. Причины петербургских пожаров в мае

этом же журнале пошел роман «На ножах». Однако в отличие от «Бесов» он — и тематически, и по своему пафосу «Бесам» очень близкий, предвосхищающий, можно сказать, многое из показанного Достоевским, — не вызвал сколько-нибудь значительного обсуждения.

Было бы упрощением видеть причину этого лишь в каких-то особенностях книги Лескова. Здесь не должен быть довод (а его не раз использовали!) и отрицательный отзыв Достоевского о романе «На ножах» (незаконченном!) в письме к А.Н. Майкову. Ничего существенного — кроме

«Иной раз в наших местах задаются такие характеры, что, как бы много лет ни прошло со встречи с ними, о некоторых из них никогда не вспомнишь без душевного трепета». И фраза эта справедлива и по отношению к самому Лескову. Он стал мастером изображения незаурядных характеров, может быть, и потому, что сам принадлежал к своему рода «антикам», редкостям. Но при всей неуживчивости и суровости (что показано в замечательной биографической книге его сына Андрея Лескова) он обладал открытым сердцем и вывел на страницы книг

К 170-летию со дня рождения

СУЖЕКТ ЛЕСКОВА

НЕИЗДАННЫЙ КЛАССИК

Николай Семенович Лесков предсказывал, что его будут читать и «через пятьдесят лет». Это сбылось: в течение XX века интерес к его творчеству неуклонно рос и продолжает расти. В программах по истории русской литературы посвященный ему раздел помещается между разделами Достоевского и Льва Толстого. И вместе с тем Лесков едва ли не единственный русский классик, чье наследие до сих пор должным образом не опубликовано.

При жизни писателя вышло единственное собрание его сочинений. В начале XX века появились второе и третье издания ПСС (в действительности таковыми они не являлись). В послеоктябрьское время Лескову, казалось бы, повезло: его не «забыли», как многих других первоклассных мастеров слова. Но издавали Лескова в предельно суженном виде, и первое в послеоктябрьский период его собрание сочинений — в 11 томах — выпустили только во второй половине 1950-х годов.

Филологи были прекрасные, да кроме них была власть, которой требовался Лесков не полный, а соответствующим образом препарированный. Как Льва Толстого представили срывателем всех и всяческих масок, как Островский преобразился в обличителя Темного царства, так и Лесков стал автором «Левши» и «Очарованного странника». Левша выступал как олицетворение трудового гения народа, а Иван Флягин воплощал его, народа, широту, удаль и способность на любые свершения. В обоих сочинениях Лесков действительно писал об этом, но по-другому, и это предпочитали не вспоминать. Не перепечатывались многие его святочные рассказы. Не переиздавался в советское время роман «На ножах» — он появился только в «огоньковском» 12-томнике 1989 года (подготовлен Всеволодом Троицким). Знаменитый лесковский цикл о праведниках не воспроизводился полностью... И первоначальный

ведение — впервые будут собраны воедино и прокомментированы все известные ныне сочинения и письма писателя (полное собрание писем Лескова намечалось еще до Великой Отечественной войны, оно было подготовлено литературоведом Сергеем Шестериковым, погибшим на фронте).

Но это — в будущем, а пока Лесков продолжает ходить в неизданных.

ДУХОВНЫЙ ХРИСТИАНИН

Справедливости ради надо сказать, что полноценное издание наследия Лескова имеет и объективные трудности. Писатель был несравненным знатоком иконописи, древнерусской словесности, православного богослужения, истории православия и христианских сект в России, он не только принадлежал к людям энциклопедической начитанности, но, самое главное, легко и естественно переносил разнообразные познания на страницы своих книг.

И, разумеется, для полноценного осмысления написанного Лесковым следует встать в этих познаниях с ним вровень. Вопрос осложняется еще тем, что сам Лесков называл себя «ересиархом». Он делал различие между богобоязностью и «религией» в смысле правил жизни как «погрешностью духа, ищущего высшего состояния», — утверждая ценность последних. Он обращал внимание читающей России на то, что религиозные оппозиционные движения, возникавшие среди населения с вековой православной традицией, являлись, как правило, «очистительным кланом» или «болезненным нарывом, открывшим исток для нечистот, скопившихся веками в церковно-общественном организме». В последние годы жизни писатель прямо говорил об официальной церкви как об «учреждении полицейско-политическом, всегда склонном служить земной власти», вместе с тем по-прежнему отделяя понятие «церковь» от понятия «религия» и при этом

1862 года не были должным образом раскрыты. Молва приписывала их возникновение нетерпеливцам — социал-радикалам, недовольным реформами императора Александра II. Слухи роились, смешивались, возникала паника, кое-где началась охота за студентами, которых стали отождествлять с ненавистными народу сицилистами... Молодой газетчик Лесков призвал власти к добросовестному расследованию причин происшедшего. Этот здравый призыв почему-то не понравился социал-радикалам — и пошло-поехало...

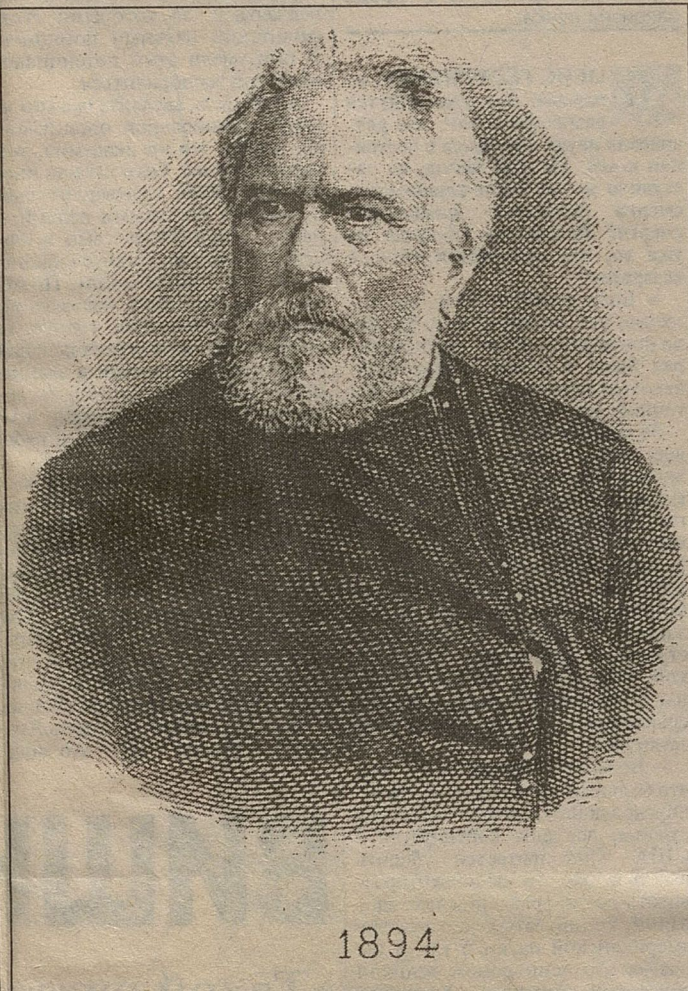
Однако, Лесков не испугался. Напротив — в 1864–1865 годах он печатает роман «Некуда», предупреждающий о пагубности стремления к немедленной справедливости (выражение Андрея Платонова, очевидного наследника лесковских литературных традиций). И получает по полной — отныне он враг прогресса, враг студентов, девушек, стремящихся к равноправию... Он приписан к писателям-антиингилистам.

Что означает термин «антиингилистическая литература», внятно объяснить трудно. Это понятие было внедрено политическими демагогами и стало удобным ярлыком в литературных боях с внелитературными целями. Мудрый Розанов назвал такую литературу точнее и честнее: *противопожарной*.

НА НОЖАХ С «БЕСАМИ»

Но лесковское творчество раздражало не только социал-радикалов. Он был настолько творчески свободен, что заставил оканчивавшихся в столкновении с литературными собратьями. Особенно выразителен здесь случай со вторым «антиингилистическим» романом Лескова «На ножах». Историками литературы нередко делались выводы о художественной неполноценности этого лесковского создания.

Однако обратим внимание на следующую подробность. «Бесы» Достоевского печатались в журнале «Русский вестник» в течение двух лет. Но чуть раньше в

1894

Николай Лесков.

авторской ревности к опережающему его литературному сопернику — из этого письма не вычитать. А вот предположить, что лесковский Горданов на фоне нечаявского процесса об убийстве Иванова (материалы которого использовал Достоевский) для критики так называемой демократической ориентации оказался чресчур неудобен, позволительно. А ведь в «Некуда» помимо печали о юных душах, губимых политическими авантюристами, было и предупреждение о неотвратимости дрейфа социал-радикализма в сторону попрания общественной и традиционной этики и далее — к прямой уголовщине.

Только недавно стало осознаваться и признаваться, что «На ножах», этот обвинявшийся как в идейных, так и в художественных пороках роман, строится как своеобразная эпопея приключений социальных доктрин, когда одна и та же в своем словесном выражении теория, овладевая умами людей, получает совершенно различное, нередко противозначное воплощение.

НЕСМЕРТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ

Один из ранних шедевров Лескова — «Леди Макбет Мценского уезда» — начат фразой:

множество незаурядных человеческих типов. Словно в насмешку над будущими потугами соцреалистов сотворить образ положительного героя, Лесков создал своих праведников — и тем показал, что только на религиозной основе возможно подлинное различие между добром и злом. А сколько в его книгах до головокружения живых, прекрасных в своей жизненной красоте женщин! Они куда интереснее стандартно истерических натур героинь Достоевского; они явно сложнее «сильной, красивой и плодотворной самки» Наташи Ростовской (Анна Каренина появилась позже многих красавиц Лескова, да и она им не соперница); драмы знаменитых «тургеневских девушек» кажутся комнатными переживаниями в сравнении с обстоятельностью и страстями, терзающими лесковских «баб» («Житие одной бабы» — в какой еще литературе есть такая повесть?!).

Сказать и то, что русский писатель Лесков не был писателем только одного своего народа: в его книгах рассказывает о себе поистине вся многоязыкая, многонациональная Русь — вечная, живая, бессмертная.